

1984

Джордж
Оруэлл

Перевод Виктора Гольшева
Иллюстрации Андре Каррильо

КЛАССИКА

МИ∞

Вечные истории. Иллюстрированная классика

1984
Джордж
Оруэлл

Перевод с английского
Виктора Голышева

Москва
МИФ
2024

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-70

Оруэлл, Джордж

О-70 1984 / Джордж Оруэлл ; пер. с англ. В. Голышева. — Москва : МИФ, 2024. — 352 с. : ил. — (Вечные истории. Иллюстрированная классика).

ISBN 978-5-00214-506-5

Созданный более семидесяти пяти лет назад, роман-антиутопия «1984» уже давно получил статус культового, а его автора Джорджа Оруэлла почти сразу нарекли главным визионером XX века.

Каждый день клерк министерства правды Уинстон Смит переписывает историю в соответствии с линией партии. Он живет в Океании — лучшем, совершеннейшем из государств, пожертвовавшем свободой во имя порядка, за соблюдением которого непрерывно следит всевидящее око Старшего Брата. Сомнения невозможны — любое «мыслепреступление» строго карается, но, когда маленький человек, скрывшись от взгляда камер в тесной нише в стене, начинает вести дневник, сквозь неповоротливую систему тотального контроля прорастает робкое зерно сопротивления.

Андре Каррильо — иллюстратор, аниматор и карикатурист родом из Амадоры, Португалия. Владелец более чем ста наград; его работы публиковались в таких изданиях, как New York Times, New Yorker, Vanity Fair и Harper's Magazine.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Печатается по изданию: Оруэлл Д.
1984 / Джордж Оруэлл ; пер. с англ.
В. Голышева. Москва : «ФТМ»,
1949. 320 с.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может
быть воспроизведена в какой бы то
ни было форме без письменного
разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00214-506-5

First published in Portugal by Bertrand Editora
© André Carrilho, 2022 (illustrations)

www.andrecarrilho.com

This edition was published by arrangement
with Birds of a Feather Agency, Portugal

© Голышев В. П., перевод на русский язык,
2024

© Оформление. ООО «Манн, Иванов
и Фербер», 2024

ПЕРВАЯ

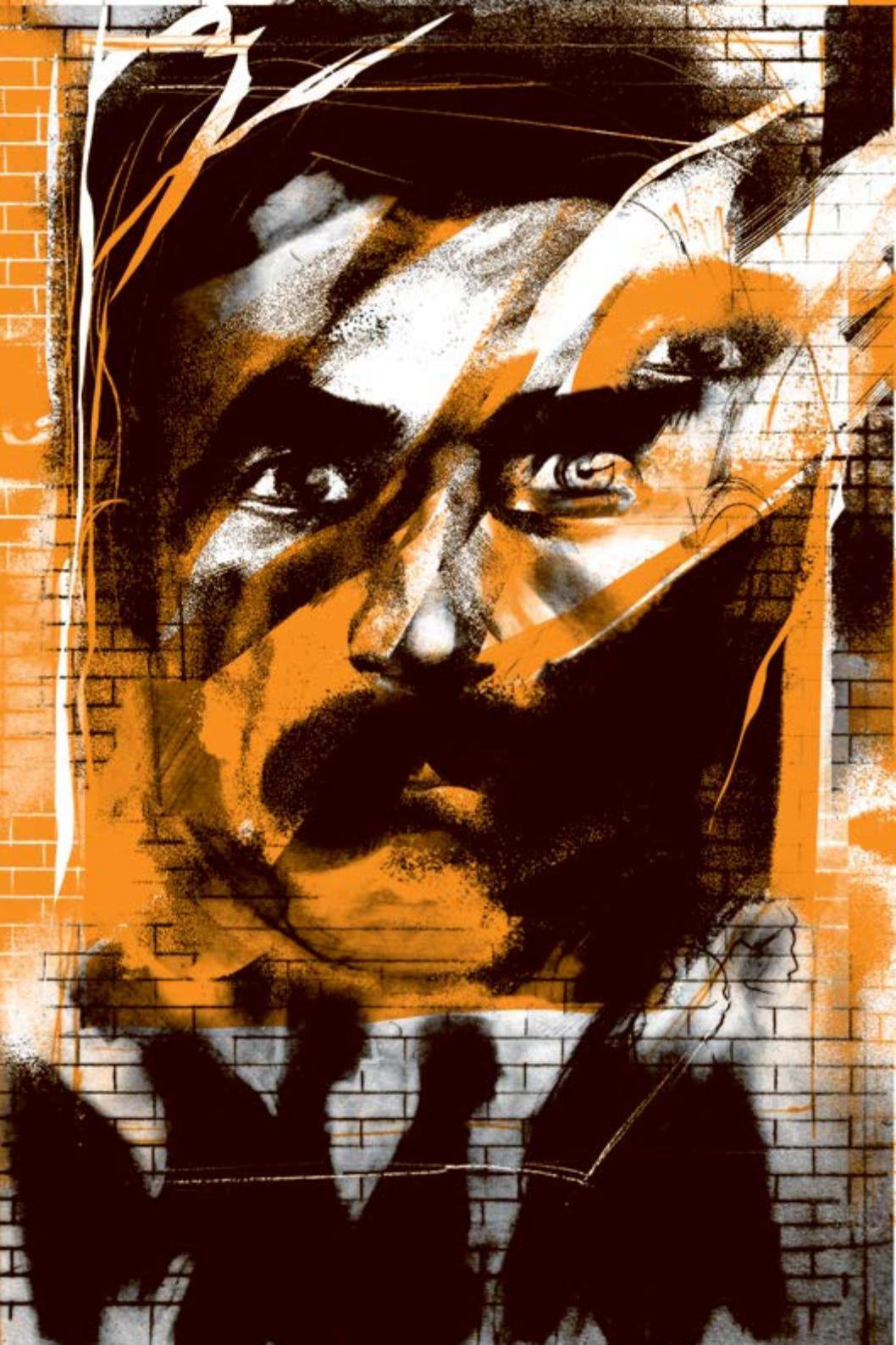
I

Был холодный ясный апрельский день, и часы пробили тринадцать. Уткнув подбородок в грудь, чтобы спастись от злого ветра, Уинстон Смит торопливо шмыгнул за стеклянную дверь жилого дома «Победа», но все-таки впустил за собой вихрь зернистой пыли.

В вестибюле пахло вареной капустой и старыми половиками. Против входа на стене висел цветной плакат, слишком большой для помещения.

На плакате было изображено громадное, больше метра в ширину, лицо — лицо человека лет сорока пяти, с густыми черными усами, грубое, но по-мужски привлекательное. Уинстон направился к лестнице. К лифту не стоило и подходить. Он даже в лучшие времена редко работал, а теперь в дневное время электричество вообще отключали. Действовал режим экономии — готовились к Неделе ненависти. Уинстону предстояло одолеть семь маршей; ему шел сороковой год, над щиколоткой у него была варикозная язва; он поднимался медленно и несколько раз останавливался передохнуть. На каждой площадке со стены глядело все то же лицо. Портрет был выполнен так, что, куда бы ты ни стал, глаза тебя не отпускали. **СТАРШИЙ БРАТ СМОТРИТ НА ТЕБЯ,** — гласила подпись.

В квартире сочный голос что-то говорил о производстве чугуна, зачитывал цифры. Голос шел из заделанной в правую стену продолговатой металлической пластины, похожей на мутное зеркало.

Уинстон повернул ручку, голос ослаб, но речь по-прежнему звучала внятно. Аппарат этот (он назывался телекран) притушить было можно, полностью же выключить — нельзя. Уинстон отошел к окну: невысокий тщедушный человек, он казался еще более щуплым в синем форменном комбинезоне партийца. Волосы у него были совсем светлые, а румяное лицо шелушилось от скверного мыла, тупых лезвий и холода только что кончившейся зимы.

Мир снаружи, за закрытыми окнами, дышал холодом. Ветер закручивал спиралями пыль и обрывки бумаги; и хотя светило солнце, а небо было резко-голубым, все в городе выглядело бесцветным — кроме расклеенных повсюду плакатов. С каждого заметного угла смотрело лицо черноусого. С дома напротив — тоже. **СТАРШИЙ БРАТ СМОТРИТ НА ТЕБЯ**, — говорила подпись, и темные глаза глядели в глаза Уинстону. Внизу, над тротуаром, трепался на ветру плакат с оторванным углом, то пряча, то открывая единственное слово: **АНГСОЦ**.

Вдалеке между крышами скользнул вертолет, завис на мгновение, как трупная муха, и по кривой унесся прочь. Это полицейский патруль заглядывал людям в окна. Но патрули в счет не шли. В счет шла только полиция мыслей.

За спиной Уинстона голос из телекрана все еще болтал о выплавке чугуна и перевыполнении девятого трехлетнего плана. Телекран работал на прием и на передачу. Он ловил каждое слово, если его произносили не слишком тихим шепотом; мало того, покуда Уинстон оставался в поле зрения мутной пластины, он был не только слышен, но и виден. Конечно, никто не знал, наблюдают за ним в данную минуту или нет. Часто ли и по какому расписанию подключается к твоему кабелю полиция мыслей — об этом можно было только гадать. Не исключено, что следили за каждым — и круглые сутки. Во всяком случае, подключиться могли когда угодно. Приходилось жить — и ты жил, по привычке,

которая превратилась в инстинкт, — с сознанием того, что каждое твое слово подслушивают и каждое твое движение, пока не погас свет, наблюдают.

Уинстон держался к телекрану спиной. Так безопаснее; хотя — он знал это — спина тоже выдает. В километре от его окна громоздилось над чумазым городом белое здание министерства правды — место его службы. Вот он, со смутным отвращением подумал Уинстон, вот он, Лондон, главный город Взлетной полосы I, третьей по населению провинции государства Океания. Он обратился к детству — попытался вспомнить, всегда ли был таким Лондон. Всегда ли тянулись вдаль эти вереницы обветшалых домов XIX века, подпертых бревнами, с залатанными картоном окнами, лоскутными крышами, пьяными стенками палисадников? И эти прогалины от бомбежек, где вилась алебастровая пыль и кипрей карабкался по грудам обломков; и большие пустыри, где бомбы расчистили место для целой грибной семьи убогих дощатых хибарок, похожих на курятники? Но — без толку, вспомнить он не мог; ничего не осталось от детства, кроме отрывочных, ярко освещенных сцен, лишенных фона и чаще всего невразумительных.

Министерство правды — на новоязе* миниправ — разительно отличалось от всего, что лежало вокруг. Это исполинское пирамидальное здание, сияющее белым бетоном, вздымалось, уступ за уступом, на трехсотметровую высоту. Из своего окна Уинстон мог прочесть на белом фасаде написанные элегантно шрифтом три партийных лозунга:

ВОЙНА — ЭТО МИР
СВОБОДА — ЭТО РАБСТВО
НЕЗНАНИЕ — СИЛА

* *Новояз* — официальный язык Океании. О структуре его см. Приложение.

